

Р. Г. Назиров

<Дневниковые записи
о родителях>

Предисловие к публикации

Публикуемые отрывки из дневника дополняют известные нам сведения¹ о судьбах родителей Р. Г. Назирова. Однако ценность этих текстов не в конкретных фактических подробностях. С их публикацией яснее становится та атмосфера, в которой происходило интеллектуальное становление Р. Г. Назирова. Это становление проходило на фоне реабилитации жертв сталинской эпохи, частичной либерализации, словом, — «оттепели». Думается, не будет натяжкой причислить Назирова к поколению, вышедшему на авансцену русской культуры в это время и получившему название «шестидесятников». Отсюда своеобразный, понятный сейчас только теоретически энтузиазм и пафос веры в советский культурно-политический проект, отчетливо чувствующийся в дневниках Назирова конца 1950-х — начала 1960-х годов.

«Темной стороной» шестидесятнического сознания был, очевидно, страх и память о прошлом ужасе. Для некоторых представителей этого поколения, в том числе, и для Назирова эта память имела вполне конкретный образ близких и родных. Отец, Гафан Шамгунович Назиров, упоминается в его дневниках не слишком часто, но всегда в трагическом контексте («кровь моего отца не остынет»). В этом же контексте и жизнь матери, Эсфири Исаковны Волович, Назировым воспринималась как подвиг. Может быть, неслучайно в своей последней книге «Становление мифов и их историческая жизнь», говоря об иудаизме, он подчеркивает *женский* героизм в истории Израиля: «...сюжет мифа [книги Эсфирь — С. Ш.] соответствует общей для Ветхого Завета женской героике. Несмотря на суровую патриархальность, он горделиво славит в веках самоотверженность еврейской женщины»². Перед глазами у Ромэна Гафановича был реальный пример женской стойкости.

Впрочем, есть в этих отрывках и впечатляющие конкретные детали. К примеру, о том, что до 1956 году Ромэн Гафанович не знал в точности судьбы отца, и даже летом 1956 полученная справка официально *солгала* о дате гибели Назирова-старшего. Образ Эсфири Исаковны также приобретает дополнительные обертоны. Все это важно для понимания истоков мировоззрения и структуры творческого сознания Р. Г. Назирова.

Сергей. С. Шаулов
Башкирский государственный университет

---

1 Назиров Р. Г. Автобиография // Назировский архив. 2013, № 1. С. 137—139; Назирова Д. Г. <Биография Р. Г. Назирова> // Назировский архив. 2013, № 1. С. 140—142.
2 Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2014. С. 97.

I.

8 июня [1956], пятница¹.

<...>

А моего отца расстреляли. Об этом стало известно недавно. Гафан Шамгунович Назиров, мой отец, родился в 1899 году в семье крестьянина в Уральской (ныне Курганской) области в селе Дубровна, которое по-татарски называется Магд`и. С раннего детства он остался калекой, т. к., оставленный без присмотра во время полевых работ, он получил сильный ожог, повредивший ему ногу. С тех пор он хромал всю жизнь, хотя мог ходить довольно быстро и хорошо плавал, это я помню (я помню, как летом 1937 года мы приехали в автомобиле на Дёму, отец плавал и звал шофёра искупаться). Во время гражданской войны отец помогал скрываться дезертирам из армии Колчака. С 1919 года отец стал членом РКП (б). Позже он учился в Москве, в ИПК («и-пэ-ка», институт красной профессуры). Вместе с ним учился тогда Фахрас Нургалеев, который сейчас вернулся с каторги, реабилитирован, восстановлен в партии и получил обратно свой орден Ленина за тем же номером, что и был (он первый в Башкирии получил орден Ленина). Нургалеев остался жив, т. к. его поздно арестовали. Но это между прочим.

Не знаю, окончил ли отец ИПК. В это время партия объявила призыв в политотделы (известные семнадцать тысяч политотдельцев), и отец поехал в Башкирию. В 1933-1935 годах отец был начальником политотдела совхоза «Лагерный»: тогда он назывался совхоз имени Быкина и числился в Кигинском районе, а ныне в Салаватском районе. Я родился в Харькове, 4 февраля 1934 г., но через 2 месяца мать уехала со мной в Башкирию. Свидетельство о моём рождении было выдано только 28 января 1935 года Мешегаровским сельсоветом Малоязовского района. После упразднения политотделов мы поселились в Уфе, и я начинаю помнить себя. Сначала мы жили в больших деревянных корпусах на улице Сталина, рядом с тем зданием, где теперь помещается пединститут и где я учусь (тогда это не было здание пединститута). Отец стал членом башкирского, он возглавлял управление по делам искусств при Совнарком БАССР. Мы переехали на улицу Гоголя, 24, поблизости от этого места, где жил Мажит Гафури. Наша новая квартира была унаследована от арестованного перед этим Булашева. На этой злополучной новой квартире, 12 января 1938 года, был арестован мой отец.

¹ АРГН, оп. 4, д. 3а, л. 790-791.

II.

[31 июля 1956]²

<...>

Уже не помню, записывал ли я в этих тетрадях о получении мною в Уфимском горзагсе свидетельства о смерти на отца. Согласно этому свидетельству он умер 29 октября 1941 года. Графы «причина смерти» и «место смерти» не заполнены. Прожил он, следовательно, 42 года.

III.

4 января [1957], пятница³.

<...>

Вчера мама получила официальный документ о посмертной реабилитации Гаффана Шамгуновича Назирова. Приговор от 10 июля 1938 года ввиду открытия новых обстоятельств пересмотрен и дело Назирова прекращено за отсутствием состава преступления. Хорошо.

IV.

[5 августа 1964]⁴

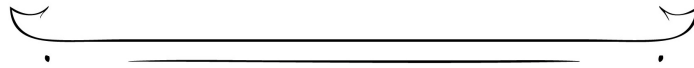
<...> Мама своё отработала. Она много сделала за свою жизнь. Очень много.

Была ткачихой на Пресне, стенографисткой в Магнитке и там, в газете строительства, стала журналисткой. В 1938 г. сидела 2 месяца в тюрьме, а в 1945 году ей дали медаль с профилем Сталина («За доблестный труд в Великой Отечественной Войне»). Сейчас маме 56 лет, но она ещё здорова, хорошо выглядит. Хочу, чтобы она прожила подольше. Думаю, что она вполне могла бы прожить ещё четверть века. Она много добра сделала людям, а о нас с Диной и говорить нечего. Когда мама осталась одна, мне было 3 года и 11 месяцев, а Дине — 1 год и 3 месяца. Пока мама сидела в тюрьме, к нам спешно приехала с Украины бабушка Муся. До этого они к нам не приезжали, и дедушку Исаака я не видел никогда, т. к. они были религиозные евреи, а мама вышла за татарина, и в родне запретили произносить её имя, и дядя её Глускин проклял свою любимую племянницу.

² АРГН, оп. 4, д. 3а, л. 844-845.

³ АРГН, оп. 4, д. 3а, л. 036.

⁴ АРГН, оп. 4, д. 7, л. 0047

Такова жизнь! Потрясающие вещи.

Мама после тюрьмы долгое время не работала, продавала вещи. Её не брали на работу, с ней боялись здороваться. Она поступила на работу в радиокomitee. Лишь когда началась война, её снова приняли в «Красную Башкирию»: журналисты пошли на фронт. Мама очень много работала.

Она замечательный человек, а я слабак. Мне не хватало в жизни испытаний.

